

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ В CORPUS AREOPAGITICUM SLAVICUM: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

© 2019 г. А.Л. Соломоновская

*Канд. филол. наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации
гуманитарного института НГУ*

E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

Рассматривается структура переводческих дублетов в Corpus Areopagiticum Slavicum (этимологический и смысловой перевод, отдельные лексемы для передачи разных значений многозначного слова и т.п.), а также их функционирование в тексте первого полного славянского перевода Ареопagitик.

The article considers the structure of double translations in Corpus Areopagiticum Slavicum (combination of etymological and idiomatic translations, separate lexemes rendering one polysemic word etc) and their functioning in the text of this first full Slavic translation of the Areopagite's Corpus.

Ключевые слова: корпус Ареопagitик, Исайя, переводческий дублет, этимологический перевод, смысловой (идиоматичный) перевод.

Keywords: Corpus Areopagiticum Slavicum, Isaiah, double translation, etymological translation, idiomatic translation.

DOI: 10.31857/S0869544X0005445-2

В работах многих славистов термин дублет используется в широком смысле, часто обозначая два разных славянских слова, употреблявшиеся в соответствии с одним греческим в рамках одного памятника. Так, например, трактуют дублеты Лидия Петровна Жуковская [1] или Раля Михайловна Цейтлин [2]. Более узкое и вместе с тем точное понимание этого термина представлено в целом ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов и историков языка. При этом выдвигаются самые разные версии возникновения двойного перевода — от влияния библейских текстов и/или народного эпоса (славянско-го или германского) [3–5] до письменной фиксации колебаний переводчика при записи под диктовку [6] или результатов его консультаций с другими книжниками [7]. При таком более узком подходе под дублетом понимается расчлененное выражение одного понятия. При этом не суть важно, является ли это способом выражения собственно авторской мысли в оригинальном

тексте — риторический прием, известный как гендиадис — или же речь идет о расчлененной передаче смысла одного исходного слова при переводе в случае собственно переводческих дублетов или двойного перевода. Два (в редких случаях больше) элемента этого выражения обычно связаны синтаксическими средствами. Для славянских языков это может быть сочинительный союз *и*, разделительный *или*, а также пояснительные союзы *рекше* и *сиречь*.

В то время как одни исследователи склонны рассматривать дублеты именно как синонимические или почти синонимические пары, в частности Лесли Брук [8], другие, в частности Эрнст Ханзак, утверждают, что собственно переводческие дублеты не имеют ничего общего с синонимией [9]. Немецкий ученый считает их появление стремлением совместить два способа перевода — этимологический, т.е. передачу внутренней формы слова, и смысловой — передачу актуального значения. Таким образом, переводчик получает возможность и передать то же «движение души» (по Блаженному Августину), что и в оригинале, и подобрать более понятный читателю эквивалент.

Тот же прием можно трактовать и с помощью теории другого неоплатинического христианского мыслителя (Псевдо) Дионисия Ареопagitа — перевод как подобное (этимологический) и неподобное (актуальный) подобие, как это делает Маргарита Ивановна Чернышева [10]. При необходимости передать новое понятие можно было попытаться найти однословный эквивалент. Если же это было невозможно, то можно было передать сущность нового понятия несколькими словами переводящего языка (излюбленный метод Иоанна экзарха, который М.И. Чернышева называет «стилевые дублеты»), а можно было поступить так, как это делали еще греческие переводчики с древнееврейского: ввести одновременно и транскрипцию (или транслитерацию) исходного слова, и его пояснение (перевод) — это характерно для приема «двуязычные дублеты», которым часто пользуется Константин-Кирилл.

Материалом для данной статьи послужили переводческие дублеты из законченного в 1371 г. афонским монахом иноком Исайей первого полного славянского перевода Ареопagitик. Методом сплошной выборки из изданного исследовательским коллективом во главе с покойными ныне Гелианом Михайловичем Прохоровым и Германом Гольцем словоуказателя к памятнику [11] было собрано 65 примеров двойного перевода. Количество примеров значительно меньше того, что приводят в статьях, посвященных этой тематике, соавторы издательского проекта Сабина и Дитер Фаль [7; 12] (61 в тексте схолий и 102 в маргиналиях), так как немецкие ученые относят к двойным переводам и те случаи, когда оба славянских варианта разнесены в тексте (например, один в основном тексте, другой — в схолии, или один — в схолии, а другой — в надстрочной надписи или маргиналии — в последнем случае расположение может свидетельствовать о том, что двойной перевод возникал в результате обсуждения того или иного способа перевода с другими книжниками). Данная статья написана с сознательным ограничением материала дублетами в собственном смысле слова — т.е. двумя разными переводами одного греческого слова, связанными соединительным, разделительным или, с определенными оговорками, пояснительным союзом.

Поскольку в предшествующих работах по двойному переводу в Ареопagitиках, в частности указанных выше [7; 12], в основном рассматриваются текстологические особенности дублетов — их расположение в тексте или паратексте, их связь с греческими схолиями к данному фрагменту, была поставлена задача провести классификацию собранного материала по

структурно-семантическому признаку. В первую очередь была выделена группа дублетов, в которых по крайней мере один из элементов калькирует греческий этимон («классический» переводческий дублет), во-вторых, рассматривается передача в составе дублета обоих значений греческого многозначного слова. Наконец, к дублетам мы также относим соединение в двойном переводе собственно синонимов, каждый из которых мог передавать соответствующее греческое слово с определенным оттенком значения. Рассматривались и собственно глоссы, которые структурно совпадают с двойным переводом. В отдельных случаях предпринята попытка выявить возможную мотивировку переводчика, который зачастую переводит одно греческое слово то одним, то другим эквивалентом, а в каком-то контексте соединяет их.

Большую часть примеров (19 из 65) представляют «классические» переводческие дублеты, в которых этимологический и контекстуальный перевод связаны соединительным союзом. Рассмотрим несколько примеров. В схолии к Посланию к Димofilу поведение монаха-бунтаря характеризуется как *ἀτακτος*. Переводчик передает греческое прилагательное через *зълъ* и *вѣщнынь* (сохраняется одноеревая орфография автографа переводчика) [11] — в современном написании «золь и бесчинен». Второй элемент дублета передает внутреннюю форму греческого прилагательного, а первый в определенной степени разъясняет, в чем именно проявилось «бесчинство» персонажа.

В другом примере этимологический и смысловой переводы стоят в обратном порядке. В схолии к трактату «О Божественных именах» противопоставляется мужское и женское начала. Последнее обозначается прилагательным *θηλυδρίας* (женоподобный, изнеженный), от прилагательного *θηλυς* «женский». Исаия передает греческое прилагательное классическим дублетом *жньскъ* и *слакъ* [11], уточняя вторым элементом, в чем именно проявляется женственность.

В примерах второй по численности группы (16 двойных переводов) дублет не содержит собственно этимологический перевод (т.е. ни один его элемент не восстанавливает внутреннюю форму греческого этимона). В этой группе выделяется целый ряд лексем с общим значением «образ, символ, подобие». Эти термины имели ключевое значение в сочинениях Псевдо-Дионисия и не удивительно, что они и являются частотными, и представлены довольно разнообразно. Например, греческое слово *σύμβολον* (внутренняя форма — сочетание приставки *συν-* и глагола *βάλλω* «бросать», буквально «соединенный, сброшенный в одно место/вместе») сохраняет эту внутреннюю форму имплицитно, так как «знак» (а тем более символ, которым это слово часто переводится в современном языке) означает соединение двух природ — материальной (плана выражения), и духовной (плана содержания), означающего и означаемого. В греческом языке это слово могло употребляться и как «односторонняя единица» (признак, примета), так и «двусторонняя» (символ, условный знак). Этот греческий термин обычно передавался на церковнославянский язык словом «образъ» (именно это соответствие приводится в единственном доступном нам греческо-церковнославянском словаре «Речнике на грчко-црквнословенски лексички паралели» под редакцией Мито Аргировски, изданном в Македонии в 2003 г. [13]).

В переводе Ареопагитик греческое *σύμβολον* (употребляется в оригинале всего 113 раз) чаще всего передается именно так, как указано в [13] — *образъ* (81 словоупотребление), несколько реже словом (26 словоупотреблений) *значение*. Последнее слово, по данным [14–16], не имело такого греческого эквивалента и обычно соответствовало *σημεῖον* («знак», «примета», «признак»), *σφραγίς*

(«печать»), *υπόρρημα* («признак, примета»), т.е. скорее передавало «план выражения» знака-символа. Лишь в двух случаях Исайя использует двойной перевод, соединяя оба привычных для него эквивалента греческого слова (или их производные). В первом случае в комментарии к фрагменту второй главы трактата «О небесной иерархии» в соответствии с *σύμβολον* Исайя ставит *знаменіа* и *вѣраженіа*, при этом второй элемент дублета взят из соответствующего места основного текста. Сам этот текст [17. S. 25] (нумерация соответствует современному изданию) повествует собственно о плане выражения, так как основная идея его состоит в том, что некоторые «нечестивые умы», не понимая символического характера библейских образов, могут «населить» небеса их материальным выражением.

Во втором случае дублет «вразъ и знаменіе» появляется в схолии к трактату «О церковной иерархии» (ЕН-S268v, 29) [17. S. 560]. Во фрагменте из Деяний апостолов, 1:15–26, к которому отсылает текст Ареопагитик, речь идет о символе жребия, который сам по себе является знаком, приметой, а в комментируемом Дионисием и его схолиастом контексте еще и знаком воли Божьей (т.е. «знамением» в современном смысле этого слова). Возможно, это мотивировало Исайю выбрать именно двойной перевод в данном контексте. Возможно и другое членение этого контекста, разрушающее собственно дублет: *яко жрѣбню вразъ / и знаменіе нѣко являющу* (являющий образ жребия и некое знамение (свыше)), поскольку жребий, выпавший Матфею, и был знамением, знаком воли Божией.

Еще одно греческое слово, также имеющее отношение к отражению действительности, передается дублетом в четырех случаях. Все эти случаи сосредоточены на сравнительно небольшом протяжении текста и связаны с теорией Ареопагита о подобных и неподобных подобиях. Прежде всего представляется целесообразным сделать несколько замечаний экстралингвистического характера. В соответствии с идеей божественной эманации, свойственной и неоплатоникам, и христианскому философу Псевдо-Дионисию Ареопагиту, все сущее, являясь результатом этого процесса, несет на себе **отголосок** Божественного, как эхо повторяет сказанное, постепенно ослабевая. Таким образом любой предмет тварного мира является пусть слабым, но **отражением** Божественного замысла и потому может служить его образом. Такой отголосок или метафорическое эхо передается греческим словом *ἀπήχημα*, производным от *ἦχος* — «звук, молва». Исайя передает этот термин (всего 24 словоупотребления в оригинале по всему корпусу) в основном словом *подражаніе* (18 из 24), в двух случаях *зподовленіе*, а также в четырех случаях дублетом: *подражаніе* (—*тельство*) и *зподовленіе*. В [13] *ἀπήχημα* не зафиксировано, что касается славянских лексем, с помощью которых Исайя передает его, — *подражаніе* и *зподовленіе*, они приводятся в словарях старославянского и церковнославянского и древнерусского языков [14–16] в основном с греческими эквивалентами *μίμησις* (которое Исайя в одном случае — из 23 словоупотреблений в целом — передает тем же дублетом) и *ομοίωμα* или *ἁφομοίωσις* соответственно. Как и в предыдущем случае, второй элемент дублета, слово *зподовленіе*, в схолии (а три из четырех рассматриваемых дублетов приходятся на схолию к одному фрагменту трактата «О Небесной иерархии» (СН II: 4 л. 8–8v) [17. S. 39–40]) дублирует слово основного текста. Таким образом, появление второго элемента дублета здесь обусловлено отсылкой к комментируемому тексту. В четвертом случае употребления данного дублета оба элемента перевода в схолии отсылают к тексту самого трактата, где *подражаніе* передает *ἀπήχημα*, а *зподовленіе* является эквивалентом *ἁφομοίωσις*. Речь в этом контексте (пятый параграф второй главы трактата «О Небесной

иерархии») идет о так называемых несходных подобиях, т.е. наиболее «грубых» и невозвышенных образах, символизирующих божественное. Дионисий называет такие образы «подобием последних отголосков» (современный переводчик, Г.М. Прохоров, восстанавливает внутреннюю форму греческого слова) [18. С. 67]. Для того чтобы понять, что, помимо отсылки к тексту, могло мотивировать переводчика использовать дублиеты, необходимо кратко рассмотреть те контексты, в которых греческое ἀπὴχημα передается одним словом подражаніе (всего 18 словоупотреблений по словоуказателю к памятнику [11]). Чаще всего это существительное сопровождается одним из двух эпитетов послѣднее (10 контекстов) или малое (4 контекста). Во всех этих случаях речь идет о тварном мире (от самого великого в нем — например «всесиятельного солнца» — до самого малого) как лишь о «ничтожном отголоске» божественной энергии. Таким образом, при одиночном употреблении подражаніе скорее обозначает некое явление физического мира само по себе, дублет же используется, когда это явление становится образом Божественного (каковым оно может стать именно за счет того, что несет в себе этот слабый отголосок Благого или Божества).

Второе греческое слово, которое также передается лексемой подражаніе почти ровно столько же раз как ἀπὴχημα, это μίμησις (18 словоупотреблений [11]). В одном случае эту греческую лексему Исайя передает тем же дублетом подражаніе (—телѣство) и зподовленіе. При этом возникает как бы зеркальная ситуация — в соответствующем схолии фрагменте основного текста есть первый элемент дублета, а второй является его разъяснением. Что касается одиночного употребления слова подражаніе в соответствии с μίμησις, то в большинстве случаев в корпусе это слово обозначает сознательное действие существа (как телесного, так и бестелесного), наделенного разумом, — ангелы «подражают» Богу, люди — ангелам, глава церковной иерархии — главе небесного священноначалия: *знаменан тако изреднѣ и прѣвѣмѣтелнѣ въ подражаніе бога кротость есть и тако кротости ради глаголетсѧ мѡυσι згодникъ кожи* (схолия к «Посланию к Димокфилу [17. С. 638]). При этом действие этих наделенных разумом существ является одновременно и образом того, чему они «подражают»: *чловѣкъ съвършаемо свѣщеничѣское тѣнослаженіе подражаніе есть небеснаго свѣщеничѣскаго* (схолия к трактату «О небесной иерархии» [17. С. 23]). Таким образом, используемое в соответствии с греческим μίμησις слово подражаніе соединяет в себе оба значения — сознательное действие подражания кому-либо и образ чего-либо (который возникает именно вследствие вышеупомянутого сознательного действия).

Следующая по количеству словоупотреблений (14) группа содержит этимологический и идиоматичный перевод, как в классическом дублете, и соединительный элемент, свойственный скорее глоссе (рекше). Некоторые из них, как будет показано ниже, соответствуют по форме глоссе, которая была еще в оригинальном тексте. Поэтому мы относим эти случаи к дублетам лишь условно. Этимологический перевод обычно занимает первое место в словосочетании (τὸ ὑποκείμενον — *подлежащее рекше същество*).

Как и в предыдущих двух группах, среди примеров этого типа можно выделить несколько разных дублетов, относящихся к одному и тому же греческому слову. В данном случае это слова θεραπευτής (згодникъ рекше рабъ кожи и згодникъ рекше инюкъ) и ἄρχα (кзмиръ рекше овразъ и овразъ рекше кзмиръ).

Греческое слово θεραπευτής (Nom. Agentis от θεραπεύω — «прислуживать») значило «слуга» в широком смысле этого слова. В христианской литературе основным значением этого слова (по греческо-английскому словарю, составленному известным богословом Джеффри Лампе на основе патристических

текстов [19]) является «слуга Божии» в отношении христиан в целом и монахов в частности. В Корпусе Ареопагитик это греческое слово используется 21 раз. При этом уже в греческом оригинале употребление данного слова вызывало, по-видимому, вопросы у читателя, поэтому схолиаст считает необходимым разъяснить, что именно оно обозначает в контексте Ареопагитик (главным образом посланий и, если еще точнее, обозначений социального статуса их адресатов и/или персонажей — монахов Гая и Димофила). Он довольно часто сопровождает *θεραπευτής* другим словом — *μοναχός* и при этом чаще всего ссылается на отрывок из шестой главы трактата «О церковной иерархии», в котором сам Дионисий разъясняет использование этих терминов; «слуга (раб) Божий» — поскольку монах должен постоянно пребывать в «заботе и попечении о Боге» [18. С. 697], а «монах» (этимологически связано с числительным «один» — благодаря их «неделимой и цельной жизни» [18. С. 697]. Глоссы этого рода, разъяснение одного греческого слова его синонимом, встречаются довольно часто. Вполне возможно, двойной перевод мог появиться и как перевод еще одной глоссы (которая не сохранилась в дошедших до нас рукописях), и как своего рода инерция переводчика, так часто переводившего эту глоссу, что повторяет ее и там, где ее нет в оригинале.

В Corpus Areopagiticum Slavicum рассматриваемая греческая лексема передается пятью различными способами. Чаще всего (в 12 из 21 словоупотребления) ей соответствует существительное *рабъ* (с глоссой *рекше иннокъ* или без нее). В пяти случаях переводчик передает эту лексему этимологическим эквивалентом (калькой) *ггѣдникъ*, один раз — *иннокъ*, а еще три раза — вышеприведенными дублетами, причем дублеты используются в одном и том же тексте (Восьмом послании) в применении к одному и тому же монаху — Димофилу. В этом же тексте часто встречаются и переведенные разъяснения схолиаста, и отдельные маргиналии, все так же сопоставляющие эти три славянских слова — *ггѣдникъ*, *рабъ* (*вожии*), *иннокъ*, поэтому появление двойного перевода могло быть относительно случайным, но могло быть и мотивировано стремлением Исайи усилить основной пафос Послания — критику Димофила за поведение, которое противоречило статусу монаха и как смиренного *угодника* и *раба Божьего*, и как человека, который по своему статусу должен избегать озлобленности и бунта, так как они разрушают это самое «единство и нераздельность» души, отражение в душе монаха Единого и Благого.

Как уже упоминалось выше, воспринимаемые чувствами образы Божественного — одна из центральных тем Ареопагитик. Среди большого количества греческих лексем, которым в переводе Исайи соответствует слово *окразъ* (в [11] насчитывается более 10 греческих эквивалентов этого славянского слова), одна относительно часто передается двойным переводом. Это слово *ἑυαλμα* (статуя, особенно (языческого) бога), которое, в отличие от другого слова с подобным значением *εἰδωλον*, не было столь однозначно связано с язычеством. Этим словом в его прямом значении обозначались не только изваяния языческих богов, но и статуя Христа (по крайней мере, в контексте, указанном в [19. Р. 6]). Соответственно, если из 14 случаев использования *εἰδωλον* в корпусе в 11 это слово переводится как *идолъ* или *кзмиръ* (т.е. славянскими словами с тем же значением и теми же коннотациями) и лишь в трех нейтральных *окразъ*, то *ἑυαλμα* (всего 16 словоупотреблений) передается в шести случаях как *окразъ*, в трех случаях как подобие, в четырех случаях *кзмиръ* и в трех случаях двойными переводами (*кзмиръ рекше окразъ* (*изваянъ*) и *окразъ рекше кзмиръ*). Слово *кзмиръ*, по данным [14; 15], имело исключительно значение языческого идола. Вполне возможно, что Исайя прибегает к двойному переводу, чтобы нейтрализовать

отрицательные ассоциации, которые могли возникнуть у читателя при виде этого слова.

В некоторых случаях автор и/или комментатор имеет в виду именно физическую статую, а не метафорический образ (который также может обозначаться *ἄγαλμα*). В этих случаях именно лексема *кзмирѣ* с пояснением или без, по-видимому, казалась переводчику наиболее подходящей. Один из таких комментариев к трактату «О Божественных именах» в главе IX рассказывает (в связи с наличием в Писании «малых» и некрасивых образов Божественного) о греческом обычае изготовления герм. В его интерпретации, гермы — это некие статуи без рук и ног, внутрь помещалось изображение бога (т.е. некрасивый внешне объект содержит почитаемый в Древней Греции образ). В греческом тексте схолии используются два наименования *ἀνδριάντας* (как второе обозначение гермы, т.е. «изваяния, не имеющего ни рук ни ног» (перевод Г.М. Прохорова [18. С. 493]) и собственно *ἄγαλμα*, которое используется в схолии и в прямом значении (статуя бога, помещенная в герму), и в переносном значении («образы богоименования» — перевод Г.М. Прохорова [18. С. 493]). Исая в этой схолии использует двойной перевод дважды — *кзмирѣ* и *ообразѣ* (в соответствии с *ἀνδριάντας*) и *кзмирѣ* *рекше* *ообразѣ*.

Второй контекст, который требует отдельного рассмотрения, также схолия, на этот раз ко второй главе «Мистической теологии». Речь в комментируемом отрывке идет о преимуществах апофатического (или отрицательного) богословия. Для большей доходчивости Дионисий уподобляет последовательные отрицания апофатики работе скульптора, который отсекает все «лишнее» из каменной глыбы и являет красоту, спрятанную в камне. Схолиаст развивает эту идею, добавляя не только более подробное объяснение процесса изготовления подобной скульптуры, но и примеры, взятые из античной литературы. Сам переводчик или же переписчик той греческой рукописи, с которой Исая работал, опускает упоминание язычников Гомера, Еврипида и поэта Дионисия, оставив лишь собственно описание процесса изготовления статуи (здесь и появляется двойной перевод — *кзмирѣ* *рекше* *ообразѣ* *изкапанѣ*) и второй пример — очищение драгоценного камня.

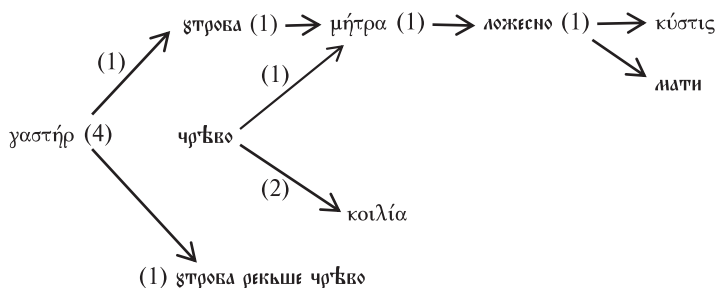
Следующая по количеству примеров группа (8 дублетов) — соединение двух этимологических переводов с помощью союза *и*. К этимологическому переводу мы относим эти случаи на том основании, что оба славянских эквивалента следуют за структурой греческого слова. Различие между вариантами в дублете может быть грамматическим (например, греческое прилагательное с *α-privativum* *ἀπόφως* передается в рамках дублета и сочетанием предлога с существительным, и наречием с префиксом *не-* (вз *цѣзка* и *неплицѣнѣ*). Во всех примерах этой группы используются разные славянские корни, которые либо являются синонимичными (*ἐρμηνεία* — *сѣказаніе* и *тлѣкованіе* — оба славянских эквивалента имели значение «объяснение»), либо передают разные значения греческого слова (или корня) в рамках одинаковой морфологической структуры (например, греческое *πολυποίκιλος* передается дублетом *многообразѣнѣ* и *многокѣзѣнѣ* — основа греческого слова *ποικίλος* имело значения «пестрый, украшенный», с одной стороны, и «хитросплетенный, хитрый» — с другой).

К вышеописанной группе примеров примыкают три случая, когда переводчик передает дублетом два значения греческого многозначного слова, соединяя их при этом или соединительным союзом *и* или пояснительным словом *рекше*. Так, греческое слово *ἀκρότης* имело два взаимосвязанных, но все же разных значения: «край, окончечность» и «вершина» [20]. В переводе Исая

используются как однословные эквиваленты этого греческого слова (връхъ (8) — коньчньстѣиѣво (7) — краи (и его производные) (3)), так и несколько дублетов, среди них передающий оба значения връхъ и краинѣе.

Другой пример этой группы интересен тем, что многозначное, а скорее даже синкретичное, слово греческого языка передается дублетом, состоящим из таких же многозначных или синкретичных славянских слов. Речь идет о дублете $\gamma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ — $\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$ *рекъше чрѣво* в комментарии к девятому посланию (К Титу иерарху). И греческое, и оба славянских слова, по данным словарей [14; 15; 21], обозначали и брюшную полость в целом, и конкретные органы — пищеварительный и женский репродуктивный. Однако в [15], со ссылкой на «Диоптру», т.е. памятник, возникший чуть раньше по времени в той же среде, что и славянский перевод Ареопagitик, уточняется, что $\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$ используется в значении «материнская утроба». Можно предположить, что ко времени перевода обоих памятников (середина XIV в.) синкретизм этого понятия начал разрушаться, что подтверждается анализом словоупотребления славянских Ареопagitик. В греческом оригинале памятника $\gamma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ употребляется для обозначения брюшной полости в целом и для обозначения, в зависимости от контекста, конкретного органа. Переводчик использует, помимо единичного дублета, два эквивалента этой греческой лексемы — *чрѣво* (четыре словоупотребления) и $\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$ (один раз). В то же время в тексте присутствует и другое слово — $\mu\acute{\eta}\tau\rho\alpha$ с более специализированным значением (материнское чрево, матка). Его Исаяя передает четырьмя разными способами (по одному разу каждый): *ложесна, мати, чрѣво* и $\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$. Соотношение греческих и славянских эквивалентов представлено с использованием методики цепочки, разработанной Евгением Михайловичем Верещагиным [22] в схеме 1. Цифры перед стрелками указывают количество словоупотреблений:

Схема 1. Смысловое соотношение славянских и греческих лексем со значением «утроба, чрево, брюшная полость» в славянском переводе Ареопagitик.

Численное соотношение греческих и славянских эквивалентов позволяет наглядно увидеть, что в словоупотреблении Исаяи, как и в несколько ранее переведенном памятнике «Диоптра», происходит постепенная специализация слова $\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$ на значении «материнское чрево, матка». Что касается контекста, в котором Исаяя использует дублет для передачи $\gamma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$, это комментарий в десятому посланию «Титу иерарху» (л. 319v издания Гильф. 46 [17. S. 662]). В этом контексте комментатор вслед за самим Дионисием разъясняет ряд библейских образов, связанных с порождающей Божественной силой. Образы могут показаться абсурдными (и в этом Дионисий видит их значение, так как видимая абсурдность позволяет скрыть высокую истину от непосвященных). Порядок следования слов в дублете ($\gamma\tau\rho\omega\kappa\alpha$ *рекъше чрѣво*), как кажется,

указывает на отмеченную выше особенность слова «отрока». Одновременно некая абсурдность самой идеи телесного порождения Богом приводит к тому, что переводчик использует второе слово с более широким значением, тем более, что в комментарии есть отсылка к другого рода «порождениям» Божественного, не связанным с рождением в привычном нам смысле: *за еже изъ чрѣва прѣжде дѣнище родихъ те слово въ въздохъ, за еже отринъ срдце мое слово благо/*.

И наконец, в двух (трех) случаях в переводе Исаии встречаются двуязычные дублеты, техника, которая встречается у славянских книжников еще со времен Кирилла и Мефодия. Первый пример, *аггѣль сирѣчь вѣстѣникъ* — глосса к слову *вѣстѣници* в основном тексте Послания Димофилу, в котором автор разъясняет монаху Димофилу, вступившему в конфликт с неким священником, то обстоятельство, что священник выполняет на земле ту же роль вестников священноначалия, что и ангелы — вестники небесной иерархии. Двойной перевод здесь позволяет ретимологизировать уже освоенное славянами заимствование из греческого. Во втором случае перед нами два параллельных двуязычных дублета, объясняющих «Господство» как имя Божие: *сего ради и господство ѿ еже крѣосъ рекше извѣство и крѣосъ сирѣчь извѣщаю*. Знакомое славянскому монаху слово *крѣосъ* (*Κύριος*) трактуется через глагол *крѣоу* — «утверждать, укреплять», эта связь подчеркивается введением двух пар дублетов, которые имели в старославянском языке и в сербском языке времен Исаии в том числе и значение «подтверждать, укреплять» [21].

Таким образом, рассмотрение собранного эмпирического материала позволяет сделать некоторые выводы о структурно-семантических особенностях и функционировании двойных переводов в первом полном славянском переводе Ареопагитик. Во-первых, около трети переводческих пар представляют дублет в его «классическом» виде, соединяя этимологический и идиоматический переводы одного греческого слова. Наряду с такими дублетами перевод Исаии содержит некоторое количество пар, состоящих из двух этимологически верных переводов (разных способов передачи структуры греческого слова). Встречаются также и немногочисленные двуязычные дублеты, второй элемент которых поясняет исходное (этимологическое) значение уже усвоенного грецизма.

Во-вторых, можно выделить некоторые семантические «кластеры» дублетов — двойные переводы, которые характеризуют ту или иную терминологическую область, особенно передачу сложных для понимания, но ключевых для Ареопагитик, терминов «образ», «символ», «подобие» (к этой области относятся примерно 15 из 65 дублетных пар). Некоторые дублетные кластеры (*ἁγία Θεραπευτής*) появляются, вероятно, в связи с необходимостью уточнить или подчеркнуть значение выбранного славянского эквивалента или избавить его от нежелательных (например, языческих) ассоциаций.

Наконец, присутствие дублета может обосновываться многозначностью или синкретичностью греческого слова и развитием соответствующих лексических единиц в славянских языках. В таких случаях мотивировкой переводчика становится стремление передать оба значения многозначной греческой лексики, чтобы дать читателю возможность самому решить, какое именно значение присутствует в данном случае.

Так или иначе, двойные переводы в *Corpus Areopagiticum Slavicum*, которые главным образом встречаются в комментариях к этому сложному философскому тексту, помогали читателю глубже понять запутанные богословские построения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Жуковская Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
2. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
3. Пименова М. В. Выражение эстетической оценки в древнерусском языке (на материале памятников литературы XI — начала XII в.) // Динамика русского слова. СПб., 1994.
4. Disenza N. G. The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, 2005.
5. Eichel A. T. Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016.
6. Thery P. G. Hilduin, traducteur de Denys // Etudes Dionysiennes. Paris, 1932.
7. Fahl S., Fahl D., Harney J. Das nicht Aussagbare in eine Nicht vorhandene Sprache Übersetzen. Beobachtungen am Übersetzerautograph des Starec Isaija // Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2013. Band 5. Untersuchungen.
8. Brook L. C. Synonymic and near-synonymic pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise // Neuphilologische Mitteilungen. 1986. Vol. 87. № 1.
9. Hansack E. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. München, 1981. Vol. XXVI.
10. Чернышева М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
11. Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2012. Band 4.1, 4.2, 4.3 Indices.
12. Fahl S., Fahl D. Doppelübersetzung des Corpus Areopagiticum durch den Mönchgelehrten Isaija // Многократните преводи в Южнославянското Средневековие. София, 2006.
13. Речник на грчко-црквенословенски лексички паралели. Скопје, 2003.
14. Словарь старославянского языка. В 4-х т. Репринтное издание. СПб., 2006.
15. Miklosich Fr. Lexicon Palaeslovenico-Graeco-Latinum. Vondobonae, 1862—1865.
16. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Л., 1989.
17. Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2011. Band 2.
18. Дионисий Ареопажит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника (в переводе Г. М. Прохорова). СПб., 2002.
19. A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.
20. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. Москва, 1991.
21. Даничић Дж. Рјечник из књижевних старина српских. Београд 1863—1864. Кн. 1—3.
22. Вережанин Е. М. Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки» // Советское славяноведение. 1978. № 1.